

БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ШИГИН

РУССКИЕ НА АЛЯСКЕ

ПОДВИГИ МОРЯКОВ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Большая Игра (Вече)

Владимир Шигин

**Русские на Аляске. Подвиги
моряков на краю земли**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

Шигин В. В.

Русские на Аляске. Подвиги моряков на краю земли /
В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2026 — (Большая Игра (Вече))

ISBN 978-5-4484-5826-2

Откройте для себя героические страницы освоения Русской Америки в новой книге известного российского писателя-мариниста, капитана 1-го ранга Владимира Шигина! Читателя ждет захватывающее путешествие в эпоху бесстрашных мореплавателей, отважных первопроходцев и предприимчивых промысловиков по неизведанным землям, где каждый день был подвигом, а смелость и находчивость становились залогом выживания. Автор расскажет о дерзком проекте плавания наших моряков через Северный полюс на Камчатку и на Аляску, предложенном академиком Михаилом Ломоносовым. Об открытии и исследованиях Алеутских островов, а также о невероятных приключениях знаменитых командиров шхуны «Юнона» и тендера «Авось» — лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гавриила Давыдова — на просторах Аляски и в Калифорнии. Владимир Шигин подробно описывает русско-индейскую войну и участие в ней шлюпа «Нева» во время первой кругосветной экспедиции российского флота. Читатель познакомится с историей приключений русских моряков судна «Святой Николай», оказавшихся в индейском плену. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-4484-5826-2

© Шигин В. В., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	17
Глава первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Виленович Шигин

Русские на Аляске

Подвиги моряков на краю земли

* * *

© Шигин В.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

* * *

Первооткрывателям Аляски посвящаю эту книгу
Автор

*Колумбы российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...*

Михаил Ломоносов

Предисловие

Русская Аляска, как это было

До сих пор вокруг Аляски ходит много слухов и домыслов. До сих пор мы очень мало знаем об этой далекой, но в то же время очень близкой нам земле, этаким русско-американском Лукоморье...

Сегодня Аляска в очередной раз стала одним из политических символов новой российской и американской политики. А потому и нам нелишне будет вспомнить о том времени, когда Аляска была российской, да и саму ее называли не иначе как Русская Америка.

Первыми русскими, которые со стороны Сибири открыли Аляску, были члены экспедиции Семёна Дежнева в 1648 году. Существует предположение, что часть мореходов после кораблекрушения одного из кочей могла высадиться на американский берег и основать первое нежизнеспособное поселение Кынговой.

В 1732 году Михаил Гвоздев на боте «Святой Гавриил» совершил плавание к берегам «Большой земли» (Северо-Западной Америки), первым из европейцев достиг побережья Аляски в районе мыса Принца Уэльского. Гвоздев определил координаты и нанес на карту около 300 верст побережья полуострова Сьюард, описал берега пролива и острова, лежащие в нем. В октябре 1732 года он вернулся в Нижнекамчатский острог.

В 1741 году экспедиция Витуса Беринга на двух пакетботах исследовала Алеутские острова и берега Аляски.

В июне 1741 года корабли «Святой Петр» и «Святой Павел» вышли из Петропавловска. Через шесть дней они потеряли друг друга из виду в густом тумане, но оба судна продолжили путь на восток. 15 июля Чириков увидел землю, вероятно западную часть острова Принца Уэльского, на юго-востоке Аляски. Он отправил на берег группу людей на баркасе, и они стали первыми европейцами, высадившимися на северо-западном побережье Северной Америки. Когда первая группа не вернулась, он отправил вторую, которая тоже пропала. Чириков снялся с якоря и продолжил путь.

Примерно 16 июля 1741 года Беринг и команда «Святого Петра» увидели на материковой части Аляски возвышающуюся вершину горы Святого Ильи. Берингу не терпелось вернуться в Россию, и он повернул на запад. Позже он бросил якорь у острова Каяк, а члены экипажа сошли на берег, чтобы исследовать местность и найти воду. Георг Вильгельм Стеллер, корабельный натуралист и врач, обошел остров и описал растения и животных. Стеллер вел дневник, в котором подробно описывал их путешествие в 1741–1742 годах. В нем он рассказывает о трудностях и различных ситуациях, с которыми столкнулись он сам и его команда. В своих записях он упоминает о следах коренных жителей Камчатки и о том, что команда оставила им железный котелок, фунт табака, китайскую трубку и кусок китайского шелка в «погреб», найденном на острове. Стеллер также первым описал морскую корову, названную в его честь. Чириков и «Святой Павел» в октябре отправились обратно в Россию с новостями о найденной ими земле.

Корабль Беринга терпел бедствие во время штормов, и в ноябре он потерпел крушение у берегов острова Беринга, который многие члены экипажа приняли за побережье Камчатки. Стеллер пытался лечить членов экипажа от цинги с помощью собранных им местных листьев и ягод, но офицеры отстранили его. Стеллер и его помощник были одними из немногих путешественников, которые не страдали от цинги. На обратном пути, когда только 12 членов экипажа могли передвигаться, а такелаж быстро приходил в негодность, экспедиция потерпела кораблекрушение у берегов необитаемого острова, который позже стал известен как остров Беринга. Почти половина экипажа погибла во время путешествия. Беринг заболел цингой и

умер 8 декабря 1741 года. Оставшиеся в живых члены экипажа перезимовали на острове, двадцать восемь из них погибли. Когда погода улучшилась, сорок шесть выживших построили из обломков 40-футовую (12 метров) лодку и в августе 1742 года отправились в Петропавловск. Команда Беринга добралась до берегов Камчатки в 1742 году и сообщила о результатах экспедиции. Привезенные ими морские выдры, мех которых вскоре был признан лучшим мехом в мире, положили начало пушному бизнесу русских и первому поселению на Аляске.

Именно тогда, получив известие, что наши мореплаватели достигли берегов Северной Америки, великий Ломоносов начертал знаменитые строки:

Колумбы российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...

В 1763 году в своей работе «Краткое описание разных путешествий по Северным морям...» Ломоносов пророчески подчеркивал, что «России могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном».

* * *

Последним рывком территориального расширения России на Восток после Сибири, связанным с меховой индустрией, стала добыча морского зверя, а именно калана, «морского бобра», как его тогда называли. Впервые в большом количестве на каланов наткнулись участники экспедиции Витуса Беринга в 1741 году на Командорских островах. Зверь обладал мехом с уникальными свойствами, который промышленники быстро оценили. За каланами стали снаряжаться морские экспедиции – на Камчатку, Курилы, Командорские и Алеутские острова. К 1743 году российские торговцы и охотники за пушниной установили тесный контакт с алеутами (коренными жителями Алеутского архипелага).

Первыми поселениями русских промышленников в Русской Америке стали временные зимовья, основываемые на различных островах Алеутско-Командорской гряды с 40-х годов XVIII века. По мере удаления от Камчатки перед североамериканскими компаниями промысловиков вставала необходимость по созданию постоянных баз с обустроенными гаванями. Первой такой базой стала Капитанская Гавань на острове Уналашка. В 1772 году русские промышленники и купцы основали на алеутской Уналашке первое торговое поселение. 3 августа 1784 года на остров Кадьяк в бухту Трех Святителей прибыла экспедиция главы Северо-Восточной компании каргопольского купца Григория Шелихова (в составе галиотов «Три святителя», «Святой Симеон» и «Святой Михаил»). Шелихов начал энергично осваивать остров, подчиняя местных эскимосов-конягов, одновременно способствуя распространению овощеводства среди аборигенов, обучая их выращиванию свеклы и репы.

К сожалению, в 1788 году наше поселение на Кадьяке серьезно пострадало от мощного цунами. Поэтому его пришлось перенести на новое место, в более защищенную от штормов Павловскую гавань.

В 1793 году на Кадьяк прибыла православная миссия – пять монахов Валаамского монастыря во главе с архимандритом Иоасафом (епископом Кадьякский). Миссионеры возвели храм и начали обращать местное население в православную веру. Миссионеры, самым известным из которых был святитель Иннокентий (Вениаминов), не просто крестили алеутов и индейцев-тлинкитов. Они изучали их языки, создавали письменность, открывали школы, переводили богослужебные тексты. Поэтому православие быстро вплелось в местные традиции. Церковь часто выступала и защитником аборигенов от злоупотреблений отдельных промысловиков. Именно поэтому православие пустило на Аляске глубокие корни.

В 1795 году русским промышленникам под предводительством Баранова удалось продвинуться до Якутата.

Одновременно с компанией Шелихова Аляску осваивали и другие купцы, в частности конкурирующая с шелиховцами компания купца Лебедева-Ласточкина. Снаряженный им галиот «Святой Георгий» прибыл в 1791 году в залив Кука, а его команда основала Николаевский редут. В 1792 году «лебедевцы» организовали еще одно поселение на берегах озера Илиамна и снарядили экспедицию промышленника Василия Иванова к берегам реки Юкон. Однако компания Лебедева-Ласточкина к 1798 году потерпела фиаско, не выдержав конкуренции с шелиховцами, из-за отсутствия хорошего снабжения из Сибири и войны с индейцами. Сам Шелихов мечтал основать на Аляске большую русскую колонию – «Славороссию». Но этим планам, увы, не суждено было осуществиться из-за его скорострительной смерти в 1795 году в возрасте всего сорока восьми лет. Тем не менее Шелихов, объединившись с Лебедевым-Ласточкиным, все же успел организовать общую компанию.

В одной из эпитафий умершему Шелихову было написано следующее:

Как царства падали к стопам Екатерины, —
Росс Шелихов без войск, без громоносных сил
Пустился в Новый Свет чрез бурные пучины,
И три народа ей и Богу покорил.

Несмотря на смерть Шелихова, его начинания, связанные с освоением Русской Америки, продолжали развиваться. В 1796 году к власти в России приходит император Павел I, который спустя два года подписал указ, признающий за основанной Шелиховым компанией право разработки всех природных богатств Американского континента. Она получила наименование Российско-Американской компании. Управление Русской Америкой стало беспрецедентным для Российской империи проектом. Вместо прямого административного контроля Петербург делегировал полномочия Российско-Американской компании. Эта схема сочетала частную предпринимательскую инициативу купцов-пайщиков с государственной поддержкой и надзором. Императорский двор предоставил Российско-Американской компании исключительные права на промыслы, торговлю и управление территориями в Новом Свете сроком на 20 лет (с последующим продлением), превратив компанию в «государство в государстве» с правом содержать собственный флот и вооруженные силы. Такой гибридный подход, редкий для того времени, был продиктован огромными расстояниями и сложностью управления из Петербурга.

Деятельность Российско-Американской компании была уникальным явлением в истории России того времени. Это была первая настолько крупная монопольная организация с принципиально новыми формами ведения коммерции, которые учитывали специфику тихоокеанской меховой торговли. Сегодня это назвали бы частно-государственным партнерством: купцы-перекупщики и промысловики тесно взаимодействовали с государственной властью. Такую необходимость диктовали два фактора: во-первых, расстояния между районами промысла и сбыта были огромны. Во-вторых, утверждалась практика применения акционерного капитала: в меховой промысел вовлекались финансовые потоки со стороны людей, не имевших к нему прямого отношения. Правительство отчасти регулировало эти отношения и поддерживало их. От его позиции нередко зависели и состояния купцов, и судьбы людей, отправившихся в океан за «мягким золотом».

Надо сказать, что императора Павла I Аляска интересовала в контексте тогдашних отношений с Англией. Как известно, в 1799 году император рассорился с Лондоном и прикидывал, как бы «насолить» вероломному Туманному Альбиону. И здесь как нельзя кстати подвернулась Аляска. Дело в том, что единственная страна, напрямую по суше граничащая с Аляской, —

это Канада, в то время английская колония. И вот на случай возможной войны России с Британией, дабы Канада не захватила Аляску, Павел решил эти «ничейные» земли так застолбить.

А затем компания была объявлена находящейся под «высочайшим покровительством», и вскоре ее акционерами стали новый император Александр I, великие князья и крупные государственные деятели.

Увы, вся экономика колонии держалась исключительно на «мягком золоте». Речь о шкурах каланов (морских бобров), чей мех ценился в Китае выше китайского шелка. Этот ресурс казался неисчерпаемым: в начале XIX века популяция каланов у берегов Аляски оценивалась в 300 000 особей. Промысел был жестоким, но прибыльным: одна шкурка на китайском рынке приносила до ста рублей серебром – целое состояние. При этом в первые десятилетия своего существования Российско-Американская компания приносила огромную прибыль, так как каждый вложенный рубль давал пять...

Первым правителем Русской Америки в 1790 году стал каргопольский купец и промысловик А.А. Баранов. Освоение Аляски Баранов начал буквально «с нуля» и правил Русской Америкой на протяжении долгих 28 лет.

Баранов успел продвинуть русское присутствие на Американском континенте далеко на восток, где столкнулся с английскими офицерами, которые разведывали новые земли для британской короны. Желая дать англичанам понять, что эти северные территории уже заняты, Баранов выкупил у местного племени тлинкитов земли на острове Ситка, где построил форт Новоархангельск. Поселение выросло настолько быстро, что в том же 1799 году Баранов ходатайствовал о переносе туда части административного аппарата компании из Иркутска.

Административный талант и завидная энергия позволили Баранову основать несколько русских поселений, в том числе столицу Русской Америки – Новоархангельск и Форт-Росс в Калифорнии, наладить торговые связи с Гавайскими островами, Калифорнией и Китаем. Он основал верфь, положив начало местному судостроению, построил медеплавильный завод и школу, организовал добычу угля, расширил промысел каланов. Сам себя он называл «Писарро российский», сравнивая с известным испанским конкистадором Франсиско Писарро. На первых порах Баранову пришлось испытать немало трудностей с установлением централизованного управления на колонизируемых территориях. На Баранова несколько раз совершались покушения. По дошедшим до нас рассказам, первые годы правления он не снимал железного панциря и спал с пистолетом под подушкой. Подобно конкистадору Баранов вел непростую и опасную работу по покорению коренных народов, населявших Русскую Америку.

Продвигаясь вглубь материка, русские начинали сталкиваться с сопротивлением местных жителей. В связи с этим Барановым было принято решение – заключать с индейцами мир. Приплыв к острову Хинчинбрук (по-эскимосски Тхалха), Баранов пригласил чилхатского вождя по прозвищу Скаутлельт для заключения мира. Тот охотно согласился. В честь этого был устроен небольшой пир с огненной водой. Индейцам были преподнесены подарки, а в ответ вождь племени тлинкитов выдал за Баранова женщину по имени Алеут, которая родила ему сына).

С 1795 года, после того как был заключен мир с индейцами, русские расположились на острове Ши и построили там Михайловскую крепость. Крепость была названа в честь тлинкитского вождя Скаутлельта, которого Баранов крестил в православие, дав ему имя Михаил. В 1796 году Баранову удалось занять остров и обосноваться в заливе Ситка-Саунд, в который часто заходили торговые английские, французские и американские торговые суда, которые также привозили необходимые на Аляске товары и покупали у Баранова меха. Русская Америка быстро расширялась и развивалась. За свою титаническую и усердную работу Баранов вскоре был награжден именной золотой медалью «Отец Аляски».

* * *

Главным доходом Российско-Американской компании являлись охота на каланов и черно-бурых лисиц и торговля их мехом. Основной рабочей силой в колониях были алеуты.

В 1799 году Барановым была основана Михайловская крепость (ныне Ситка). Поселок быстро рос. К 1819 году здесь уже проживало больше русских поселенцев и свыше тысячи аборигенов. Появились начальная школа, верфь, церковь, цейхгаузы, арсенал и разные мастерские. Каждый приходящий сюда корабль встречали, как в петровские времена, оружейным салютом!

Не обходилось и без вооруженных столкновений. Так, весной 1802 года индейцы-тлинкиты захватили и сожгли Михайловскую крепость. В 1804 году произошло серьезное вооруженное столкновение между индейцами Аляски и русскими колонистами. В 1805 году пала крепость Якутат. В одном из музеев Аляски и сегодня хранятся захваченные тогда трофеи: медная пушка и шпага коменданта Ларионова. В Якутате погибли полтора десятка русских промышленников и много находившихся у них на службе местных жителей, а младший сын купца Ларионова провел в плену у тлинкитов 15 лет.

Следует сказать, что сюжет поэмы «Юнона» и «Авось» и одноименной знаменитой рок-оперы основан на вполне реальных событиях и посвящен плаванию русского государственного деятеля Н.П. Резанова в 1806 году на Аляску и в Калифорнию и его встрече с юной Кончитой Аргуэльо, дочерью коменданта Сан-Франциско.

С 1808 года столицей Русской Америки становится Новоархангельск. Фактически управление американскими территориями ведется Российско-Американской компанией, главный штаб которой находился в Иркутске, официально Русская Америка включена в состав сначала Сибирского генерал-губернаторства, а после его разделения в 1822 году на Западное и Восточное – в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

В 1815 году Баранов задумал создать перевалочный пункт для русских торговых судов на Гавайских островах. Так корабли смогли бы ходить прямо из Аляски в порты Китая. Для этой цели глава Русской Америки отрядил на острова доктора Георга Шаффера. Но из этого ничего не получилось. Шаффер влез в местную политику, и правитель Гавайев изгнал его с островов. В 1818 году легендарный бессменный правитель Русской Америки Александр Баранов оставил службу, однако, возвращаясь на родину на корабле «Кутузов», тяжело заболел и умер.

В 1824 году была подписана Российско-американская конвенция, зафиксировавшая южную границу владений Российской империи на Аляске на широте 54°40' с. ш. Конвенция также подтверждала владения США и Англии (до 1846 года) в Орегоне.

В 1824 году была подписана Англо-русская конвенция о разграничении их владений в Северной Америке (в Британской Колумбии). По условиям конвенции устанавливалась пограничная черта, отделяющая владения Британии от русских владений на западном побережье Северной Америки, примыкающем к полуострову Аляска так, что граница проходила на всем протяжении береговой полосы, принадлежащей России, от 54° северной широты до 60° северной широты, на расстоянии десяти миль от кромки океана, учитывая все изгибы побережья. Таким образом, линия русско-английской границы была в этом месте не прямой (как это было с линией границы Аляски и Юкона), а чрезвычайно извилистой. В том же году англичане строят Ванкувер, который превращает Форт-Росс в анклав.

Наиболее серьезной проблемой, осложнявшей целенаправленное освоение Русской Америки, была ее оторванность от России. Транспортное сообщение с Русской Америкой было крайне дорогостоящим и рискованным. Снабжение Российско-Американской компании осуществлялось через Охотск. По сибирскому бездорожью нередко предметы первой необходимости (якоря, канаты и пр.) шли из Петербурга в Охотск распиленными (разрубленными) на

части, а в Охотске их снова соединяли, нагружали на суда флотилии и отправляли в Новоархангельск. Это было очень трудоемко и очень дорого, но иного выхода просто не было. Ситуация несколько улучшилась после начала достаточно регулярных кругосветных плаваний к берегам Аляски русских военных моряков.

В ходе первой российской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна 1803–1806 годов шлюп «Нева» под командой Ю.Ф. Лисянского не только посетил Аляску, Ю.Ф. Лисянский не только доставил туда крайне необходимые поселенцам припасы, но и оказал военную помощь правителю Русской Америки А. Баранову против мятежных индейцев-тлинкитов. В 1807 году шлюп «Нева» снова прибыл на Аляску, но уже под началом Л.А. Гагемейстера. В 1811–1815 годах зимовал на шлюпе «Суворов» в Новоархангельске М.П. Лазарев, а год спустя там же побывал на шлюпе «Рюрик» О.Е. Коцебу. Посещал Аляску и В.М. Головнин, совершавший в 1817–1819 годах кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». В 1820 году Аляску изучали шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» экспедиции М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева. В 1823–1826 годах О.Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие», совершая свое второе кругосветное плавание (как командир корабля), снова посетил берега Русской Америки. В 1827 году на Аляске побывали шлюпы «Моллер» (командир М.Н. Станюкович) и «Сенявин» (командир Ф.П. Литке). Не забывали своим вниманием Русскую Америку российские военные корабли и в последующие годы. Помимо плавания на Аляску кораблей российского флота и сама Российско-Американская компания организовала около полутора десятков кругосветных экспедиций и примерно столько же полукругосветных, начиная с первой кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна. Суда Российско-Американской компании водили военные моряки, а их служба в компании засчитывалась как служба в военно-морском флоте.

В сентябре 1812 года русский купец Иван Кусков основал Форт-Росс (в 80 километрах к северу от Сан-Франциско в Калифорнии), ставший самым южным форпостом русской колонизации Америки. Формально эта земля принадлежала Испании, однако Кусков купил её у индейцев. Вместе с собой он привел 95 русских и 80 алеутов. В Калифорнии Кусков намеревался выращивать пшеницу и ячмень для снабжения Аляски хлебом. Планировка Форта-Росс во многом напоминала деревянные остроги, возводимые русскими первопроходцами в Сибири. Стены форта и большинство расположенных внутри его построек были сделаны из секвойи. Форт защищали двенадцать пушек. В 1836 году его население составляло около трех сотен человек, которые занимались земледелием и промыслом морских котиков, а также торговали в Сан-Франциско производимым ими железом. Основное население проживало в Уиллоу-Крик, на реке Славянка (в настоящее время река носит название Russian River). Кроме того, в Калифорнии был организован ряд совместных русско-американских промысловых экспедиций.

В 1817 году капитан 2-го ранга Л.А. Гагемейстер, ставший к этому времени главным правителем Русской Америки, посетил колонию Росс и встретился с вождями окрестных индейских племен. Он выразил благодарность за уступку земли, вручил им подарки, а вождя, на землях племени которого стояла крепость, наградил медалью «Союзные России». Под протоколом беседы подписались только представители русской стороны: Леонтий Гагемейстер, Иван Кусков, комиссионер РАК Кирилл Хлебников и др. На этот документ Российско-Американская компания позже часто ссылалась как на договор, в частности, в нём сообщается, что вожди «очень довольны занятием сего места русскими, что они живут теперь в безопасности от других индейцев, кои прежде дельвали на их нападении, что безопасность та началась только от времени заселения».

Однако, вопреки первоначальным расчетам, содержание Форта-Росс во многом являлось убыточным. Другим немаловажным фактором, препятствовавшим развитию Форта-Росс, являлось то, что он представлял собой изолированный со всех сторон анклав русской земли, полностью окруженный владениями испанских и мексиканских колонистов, власти которых

становилось все более бессмысленно противостоять. Эти факторы поставили к концу 1830-х годов перед правлением Российско-Американской компании вопрос об упразднении русской колонии в Калифорнии. В январе 1841 года Форт-Росс был продан гражданину Мексики Д. Саттеру.

В 1825 году была подписана Англо-русская конвенция о разграничении их владений в Северной Америке в Британской Колумбии, впервые установив пограничную черту, отделявшую владения Британии, которая проходила в десяти милях от берега океана. До этого неофициальной границей считался хребет Скалистых гор. При этом наша сторона никогда не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти полу столетия там была абсолютно безлюдная территория.

В 1842–1844 годах побережье и внутренние районы Аляски исследовал лейтенант Лаврентий Загоскин. Он прошел заливы Нортон и Коцебу, бассейны рек Юкон (Квикпак) и Кукоквим. Загоскин открыл горный хребет, отделяющий Юкон от восточного побережья залива Нортон. Летом 1842 года он на бриге приплыл из Новоархангельска в Михайловский острог. Передвигаясь на байдаре, произвел опись побережья залива Нортон до устья реки Уналаклит. Затем зимой 1842/43 года перебрался на собачьих упряжках в редут Нулато, обследовал низовья реки Коюкук. Летом прошел до устья реки Тананы (притока реки Юкон) и далее, уже на байдаре, исследовал и нанес на карту Юкон от порогов до нижней луки. В летние месяцы 1844 года Загоскин продолжил обследование низовий Юкона, а также среднего и нижнего течений реки Кукоквим, обнаружил ранее неизвестное селение эскимосов Анилукхтакпак. В декабре 1845 года через Сибирь Загоскин возвратился в Петербург.

Итогом исследования Аляски стала книга Загоскина «Пешеходная опись русских владений в Америке, произведённая лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг. с меркаторскою картою» в двух частях, в которой он дал первое подробное описание глубинных территорий полуострова. В книге также содержатся ценные этнографические сведения о коренных жителях Аляски, указаны ареалы их расселения, а также имеется составленная Загоскиным точная карта нижней части бассейна рек Юкон и Кукоквим, побережья Берингова моря между их устьями.

Начало Крымской войны в 1853 году поставило русские колонии в Северной Америке в чрезвычайно трудное положение, поскольку Русская Аляска граничила с Британской Канадой. Дела у Российско-Американской компании в это время также шли плохо, резко сократилось количество добываемых каланов, а следовательно, упала доходность. Поэтому начали возникать мысли о продаже не приносящей дохода территории.

В США мысль о продаже Аляски впервые появилась еще в 1854 году и исходила от американского правительства, заинтересованного в предотвращении возможной английской оккупации полуострова. Тогда США предложили императору Александру II заключить фиктивный договор на три года – территория переходила во временное пользование американцев для защиты от англичан. Но российского императора такая комбинация не заинтересовала.

В России мысль о возможности продажи Аляски появилась чуть позднее, в 1857 году, вскоре после окончания Крымской войны. Но пока об этом говорили лишь в кулуарах. К этому времени Российско-Американская компания имела на Аляске шесть отделов: Ситхинский, Кадыкский, Северный (или Михайловский), Уналашкинский, Атхинский и Курильский, которые охватывали территорию всей Аляски, а также Алеутские острова. Территория была огромна и мало населена. Российско-Американская компания с ней уже явно не справлялась. На повестке дня стоял вопрос о присоединении Аляски к Российской империи, но для этого банально не было средств.

Ряд государственных деятелей России считал, что деятельность Российско-Американской компании лишена экономических перспектив и будет продолжать носить убыточный характер, связанный с дальнейшим вложением в нее значительных государственных средств.

Именно поэтому Аляску в Петербурге посчитали непрофильным активом: прибыли от нее не было, а расходы – огромные, гарнизоны надо снабжать, а они очень далеко. Ведь даже Дальний Восток тогда еще только-только начинал осваиваться, Северного морского пути еще не было, и грузы приходилось везти через всю Сибирь до Охотска и оттуда – уже через океан в Русскую Америку. При этом во второй половине XIX века добыча пушнины, являвшаяся основным видом экономической деятельности на Аляске, существенно сократилась, доходность падала, и Российско-Американская компания с каждым годом несла все большие убытки.

Другим, более весомым мотивом являлась сложная внешнеполитическая ситуация, связанная с Крымской войной, опасением военных столкновений с Англией и политикой Соединенных Штатов, направленной на установление полного господства на Североамериканском континенте. Последние обстоятельства нередко приводились как веский довод необходимости продажи Русской Америки. Если она не будет продана сейчас, то ее все равно придется уступить под угрозой военного отторжения, не получив взамен ничего. Основная же угроза для Русской Америки исходила от Англии – тогдашнего главного геополитического соперника России. И в случае конфликта удержать Аляску было бы просто невозможно, так как в условиях едва закончившейся Крымской войны, потери Черноморского флота, а также начавшихся грандиозных государственных реформ ресурсов на освоение далекой северной территории практически не было.

Кроме этого, ключевым мотивом Петербурга по продаже Аляски стало стратегическое стремление укрепить отношения с США как с потенциальным союзником против главного геополитического соперника – Англии. Поэтому продажа Аляски рассматривалась как плата за будущий американо-русский союз, способный изменить баланс сил в мире. Насколько это получилось в реальности, мы сегодня видим...

Кстати, одним из наиболее активных сторонников этой идеи являлся брат императора Александра II, великий князь Константин Николаевич, возглавлявший Морское министерство. За продажу Аляски выступал и тогдашний генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский, полагавший, что имеющиеся средства надо расходовать прежде всего на освоение и укрепление нашего Дальнего Востока, Приамурья и Сахалина.

Судьба России на Аляске решилась в конце 1866 года, когда на заседании под председательством Александра II единогласным решением было принято продать территорию Штатам.

В итоге в 1867 году Аляска была продана США всего за 7 200 000 долларов (около 2 центов за акр земли). Примечательно, что большая часть денег за Аляску так и не попала в Россию. До сих пор история продажи Аляски волнует историков, так как многое в ней все еще остается неясным. Очевидно лишь то, что Россия вынуждена была заключить чудовищно невыгодную для себя сделку исключительно под давлением могущественных международных политических сил.

Для сравнения: покупка Луизианы у Франции обошлась США в 23 миллиона долларов с процентами. А строительство одного здания окружного суда в Нью-Йорке в 1871 году стоило больше, чем вся Аляска, – правда, там работали мошенники, которые украли из казначейства штата 13 миллионов.

Однако есть и другие мнения. Так, академик Н. Болховитинов в работе «Русско-американские отношения и продажа Аляски» писал, что сделка по передаче Аляски не была поражением. Продажа позволила России сосредоточиться на освоении Приамурья и избежать нового конфликта с Англией. Деньги от продажи Аляски пошли на покупку оборудования для железных дорог. Ходит легенда, что их казна якобы не получила, но это лишь легенда – в Государственном историческом архиве есть документ от 1868 года, который гласит: «За уступленные Северо-Американским Штатам российские владения в Северной Америке поступило от означенных Штатов 11 362 481 р. 94 коп. Из их числа израсходовано за границу на покупку принадлежностей для железных дорог: Курско-Киевской, Рязанско-Козловской, Мос-

ковско-Рязанской и др. 10 972 238 рубля 4 копейки. Остальные же 390 243 рубля 90 копеек поступили наличными».

Всего за время существования Русской Америки там было создано около 60 русских поселений. На январь 1863 года в Русской Америке проживало: русских – 582 мужчины и 90 женщин, креолов – 944 мужчины и 1045 женщин, или всего 2661 человек.

При этом к концу существования Российско-Американской компании общая площадь всех русских имений в Америке составляла 1519 тысяч квадратных километров, то есть больше, чем территория нынешней Тюменской области (1435,2 тысячи квадратных километров). Примечательно, что еще в начале XIX века Русская Америка не имела четко обозначенных границ, поэтому русские продолжали вести промыслы на правах первооткрывателей.

18 октября 1863 года, когда в форт Ситха прибыли российские комиссионеры во главе с адмиралом Алексеем Пешуровым, над фортом был торжественно спущен российский флаг и поднят американский. Как вспоминали очевидцы, русский флаг спустили не сразу – запутались в веревках. Когда же звездно-полосатый флаг взвился над фортом, прозвучал салют из американских орудий. Эта дата теперь отмечается американцами как День Аляски.

В январе 1868 года 69 солдат и офицеров Новоархангельского гарнизона навсегда покинули в судне «Нахимов» берега Русской Америки. Последняя же группа русских оставила берега Аляски в ноябре 1868 года. Но уехали не все. Многие креолы, то есть дети смешанных браков, остались. Они говорили на русском, но были рождены здесь.

Надо сказать, что американцы восприняли покупку тоже не сразу. В прессе сделку называли «глупостью Сьюарда» – по имени госсекретаря США.

Другие газетные заголовки были не лучше: «Ледяной сундук», «Зоопарк полярных медведей», «Моржероссия»...

А пять лет спустя после продажи Аляски на ее территории было обнаружено золото. И отношение американцев к Аляске мгновенно изменилось. Теперь ее именовали не иначе как «Землей Обетованной» или «Северным Эльдorado». За годы золотой лихорадки на Аляске американскими старателями было добыто более тысячи тонн золота.

* * *

Интересно, что многие русские поселения сохранили свои исторические названия: Russian Mission, Николаевск, Уналашка.

Сейчас здесь живет примерно 733 тысячи человек. Из них, по данным американской статистики, около 6300 человек указали русское происхождение. Это не только потомки креолов, но и потомки старообрядцев. Поэтому и сегодня, спустя более полутора веков после продажи Аляски США, в местных деревнях все еще можно услышать русский язык, пусть и в необычном звучании. Здесь стоят православные храмы (более восьмидесяти приходов!), а в некоторых семьях пекут блины на Масленицу по рецептам прапрабабушек. Именно эти люди сохранили кусочек русской культуры на американской земле. Они строили деревянные церкви, праздновали православное Рождество, учили детей молитвам на старославянском. В Нинильчике, Кадьяке и Ситхе до сих пор живут потомки тех самых креолов. Интересный факт: в Нинильчике существует собственный диалект русского языка – Alaskan Russian. Он почти исчез: в 2010 году на нем говорили всего 20–30 человек. Но энтузиасты и лингвисты фиксируют его остатки, а в некоторых школах дети даже поют песни на старом «нинильчикском русском».

В том же Нинильчике ежегодно проводится фестиваль русской культуры, где можно увидеть балалайки, попробовать блины и услышать литургию на церковнославянском.

Нет, русские первопроходцы не канули в небытие. Они растворились в своих потомках, то есть в нас. Будем же и мы помнить их. И как не привести здесь стихотворение поэта и

историка Аляски Сергея Маркова «Землепроходцы», которое стало настоящим гимном этим мужественным русским первопроходцам:

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами.
От Костромы до Нерчинска дошли
И улыбались ясными глазами.

Просторы открывались, как во сне,
От стужи камни дикие трещали,
В Даурской и Мунгальской стороне
Гремели раскаленные пищажи.

Тревожно спали у глухой воды.
Им снег и хвоя сыпались на спины,
Им снились богдыханские сады,
Кричали златогорлые павлины.

Шли на восход... И утренний туман
Им уступал неведомые страны.
Для них шумел Восточный океан,
Захлебывались лавою вулканы.

Могилы неизвестные сочти!
И не ответят горные отроги,
Где на широкой суздальской кости
Построены камчатские остроги.

Хвала вам, покорители мечты.
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.

В земле не тлели строгие глаза,
Что были глубоки и величавы;
Из них росла упругая лоза,
Их выпили сверкающие травы.

И наяву скитальцы обрели
Перо жар-птицы в зарослях сандала.
Мне чудится – на гряды из коралла
Холщовые котомки полегли!

...История Аляски продолжается. При этом она, как мы видим сегодня, начинает играть все большую роль не только в региональной, но и в мировой политике, а со временем, вероятно, с дальнейшим освоением Арктики и в мировой экономике. И как знать, может быть, когда-нибудь Россия снова вернется на эти холодные скалистые берега, где когда-то совершили свой грандиозный цивилизационный подвиг наши предки, ведь никто не знает, что ждет нас всех впереди...

Часть первая

Через Северный полюс в Америку

Глава первая

Великий океан всегда манил людей. Несмотря на все страхи и ужасы океанского безбрежья, люди были готовы рискнуть всем, включая собственные жизни, чтобы увидеть, что находится за окоемом. Но если для большинства европейских путешественников океан представлял в большей степени чисто научный интерес, разбавленный личным честолюбием и жаждой славы, то для русских людей это была просто жизненная необходимость.

Развернутая своим главным фасадом к Ледовитому океану, Россия просто обязана была выяснить, что находится прямо за порогом ее дома. Именно поэтому начиная со стародавних времен ходили в Студеное море, пробиваясь на своих утлых кочах на восток «встреч солнцу» и на север к суровому Груманту.

Настоящим прорывом в изучении Русского Севера стала Великая Северная экспедиция Витуса Беринга. Пока сам Беринг пробивался сквозь штормы к Аляске, шесть полярных отрядов шли вдоль северного берега Евразии, составляя карты неизведанных земель. Имена этих героев и сегодня значатся на мировой карте: Василий Прончищев и Челюскин, братья Лаптевы и Дмитрий Овцын.

Но что находится дальше на севере за ледяными полями, не знал еще никто... А на востоке русские первопроходцы уже подходили к берегам «оскаленной Аляски». Время требовало новых исследований и новых подвигов, требовало новых людей, которые бы направили форштевни своих кораблей дальше на север и к Северной Америке. И такие люди, конечно же, появились!

Силуэты героев этой книги размыло время, следы замела полярная выюга, а время почти забыло многие имена. Остались лишь открытия, навечно запечатленные в названиях проливов и островов на далеких американских берегах, остались легенды да сухие строки архивных документов на старых гербовых бумагах. И все же порой хочется вновь вспомнить о них, непонятых современниками и забытых потомками. Вспомнить, чтобы поклониться мужеству и святой вере в правоту и необходимость своего дела, ради которого они уходили в пугающую неизвестность океана, не зная, вернутся ли обратно...

Итак, мы отправляемся в XVIII век – время грандиозных свершений и блистательных побед, время героев и авантюристов.

* * *

Через двадцать лет после окончания Великой Северной экспедиции наконец-то пришло время идти дальше на север в Ледовитый океан.

Первым об этом серьезно задумался академик Михайло Ломоносов. Задумался не просто так, а предполагая открыть Северный морской путь из Атлантики в Тихий океан и начать освоение сибирских богатств.

Надо сказать, что тема плаванья в Ледовитом океане интересовала Ломоносова всегда. Еще в 1755 году он написал сочинение «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». Увы, этот интересный труд так и остался невостребованным и неопубликованным.

Ломоносов было человеком дела, поэтому, тщательно изучив тему исследования Севера, в сентябре 1763 года он написал научный трактат: «Краткое описание разных путешествий

по северным морям и показание возможного проходу в Восточную Индию». Именно в этом трактате Ломоносов начертал свои пророческие строки: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

Сам академик этой работой очень гордился и говорил:

– Возможно, что это мой самый большой вклад в науку и будущее России. Ежели сей проект удастся хоть вполовину, буду считать себя счастливейшим из смертных!

К описательной части Ломоносов приложил и карту, составленную еще офицерами беринговской экспедиции. Более новых карт просто не было. На карте академик размашисто прочертил и маршрут будущей экспедиции от Архангельска к западным берегам архипелага Шпицберген и далее к Тихому океану.

Изюминка ломоносовского плана заключалась в том, чтобы экспедиционные суда, покинув порт, сразу бы взяли курс напрямик к Северному полюсу. Ломоносов считал, что лучше всего это будет сделать в районе Шпицбергена, где теплое течение Гольфстрим должно уменьшать количество льда. Но главное «открытие» Ломоносова было даже не в Гольфстриме!

Ломоносов исходил из очевидного – моря, окружающие север России, соленые. Это был очевидный факт, с которым никто не спорил. Далее академик уже занялся экспериментом – налил морскую воду в сосуд и начал его охлаждать. Когда вода начала замерзать при температуре около 2° ниже нуля, то вначале она образовала рыхлую соленую массу, называемую моряками «салом». Чтобы «сало» замерзло окончательно, была нужна значительно более низкая температура. Однако все дело в том, что на просторах Ледовитого океана постоянно дуют сильные ветры, которые непрерывно перемещают «сало», тем самым не давая ему окончательно замерзнуть. А это значило, что само море в таком случае не замерзает! Таков был вердикт академика, подкрепленный его реальным физическим экспериментом. На этом основании Ломоносов и сделал вывод, что центральная часть Ледовитого моря, включая Северный полюс, свободна ото льда и, следовательно, доступна для мореходов.

Впрочем, друг и вечный оппонент Ломоносова академик Якоб Штелин на это возразил:

– Откуда же тогда берутся огромные льды около северного побережья России?

Но Ломоносова уличить в нелогичности было не просто.

– Ледяные поля, или стамухи, берут свое начало в устьях больших рек, вытекающих из России в Ледовитое море! – был его ответ въедливому оппоненту. – А так как в том льду замерзала речная вода, посему все они и не соленые!

Пройдет более ста лет, пока ученые наконец-то реально разберутся, как действительно происходит образование льдов в Ледовитом океане. На самом деле в природе образование льда происходит совершенно иначе, чем в лабораторной склянке у Ломоносова. Вначале лед действительно содержит капсулы рассола, но с понижением температуры они естественным путем выдавливаются и стекают по льду, как капли воды по жирной сковороде. В результате этого морской лед и становится крепким, пресным и прозрачным. Впрочем, Ломоносову можно простить эту ошибку, так как физику образования полярных льдов изучили много позднее.

А пока на основании ошибочной теории Ломоносов задумал реальную экспедицию...

По его замыслу, прорвавшись сквозь ледовые поля к чистой приполюсной воде, экспедиция должна была сразу же повернуть на ост и продолжить плавание уже к берегам Чукотки и Камчатки. В Беринговом проливе экспедиционные суда должны были снова прорываться сквозь льды, но уже в южном направлении, после чего они оказывались в Тихом океане. Ну а там и до Ост-Индии было совсем рукой подать...

Забегая далеко вперед, скажем, что эта, безусловно, замечательная научная работа была опубликована Гидрографическим департаментом лишь в 1847 году. Вначале ее не издали по причине секретности, а затем на долгие годы о научном трактате просто забыли...

* * *

1 октября 1763 года академик направил свой труд на рассмотрение президента Адмиралтейств-коллегии великого князя Павла Петровича. Оттуда «Краткое описание...» поступило на рассмотрение в Морскую, Российских флотов комиссию. Комиссия была создана указом императрицы Екатерины II для изучения недостатков на флоте и выработки мер по их устранению. В состав ее вошли самые уважаемые и толковые адмиралы Мордвинов, Спиридов и Нагаев.

К изучению изысканий и предложений уважаемого академика члены комиссии подошли со всей серьезностью. Кое-что подправили и даже улучшили. Так, согласно первоначальному проекту Ломоносова, маршрут экспедиции проходил от мыса Желания на Новой Земле к Берингову проливу. Но под влиянием Адмиралтейств-коллегии он был изменен на шпицбергенский вариант, по которому экспедиции предписывалось, выйдя из Архангельска, следовать к западному побережью Шпицбергена, а уже от него, через весь Арктический бассейн, прижимаясь к американскому берегу, двигаться общим направлением к Берингову проливу. Удивительно, но на фоне всегдашней чиновной волокиты на этот раз все решалось поразительно быстро.

Главным разработчиком всех научных экспедиций и экспертом в гидрографии являлся в то время член Адмиралтейств-коллегии адмирал Алексей Нагаев. Человеком он был авторитетным, причем не только на флоте, но и в российской науке. Еще мичманом Нагаев служил под началом первооткрывателя Аляски командора Чирикова, затем преподавал навигацию в Морской академии, описывал берега Каспийского и Балтийского морей, командуя фрегатом, совершил плавание из Архангельска в Кронштадт, затем изучал берега Белого и Баренцева морей, разработал первый морской атлас и лоцию Балтийского моря, составил карты Ладожского озера, Каспийского моря, Берингова пролива, Медвежьих островов и устья реки Колымы, совершенствовал корабельные компасы и командовал линейным кораблем «Фридемакер», а также преподавал кадетам практическую съемку берегов, оставлял генеральную лоцию Балтийского моря. Кроме этого, Нагаев долгое время директорствовал Морским шляхетским корпусом. В 1762 году Нагаев поддержал государственный переворот Екатерины и был ею обласкан, получив чин вице-адмирала, Анненскую ленту и должность члена Адмиралтейств-коллегии.

С Ломоносовым у Нагаева отношения были если не дружеские, то доброжелательные. Однако идею плавания в Тихий океан через Северный полюс Нагаев не воспринял и отнесся к ней холодно. Во-первых, он не разделял мнения Ломоносова относительно того, что в приполюсной зоне нет льда, а во-вторых, зная Север, не был уверен, что маленькие деревянные суда вообще смогут пройти столь большое расстояние в столь тяжелых условиях. Однако, уважая Ломоносова, Нагаев открыто против его идеи не выступал. Когда же Нагаева просили дать экспертную оценку проекта, он ответил уклончиво:

– Сей план дерзок, но нуждается в тщательном изучении, потому как о плавании в предельно высоких широтах науке еще ничего не известно.

Давать экспертную оценку отказался, чем вызвал всеобщее недоумение. Когда же его напрямую спросили, стоит ли вообще посылать суда в Ледовитый океан, он, пожав плечами, ответил:

– Любое научное плавание – это всегда новые сведения и новый опыт. Главное, чтобы людей не погубить. А в остальном почему бы не попробовать?

Ломоносова неверие Нагаева в его теорию злило, поэтому отношения между академиком и адмиралом-гидрографом охладели, хотя до открытой вражды дело все же не дошло.

Вскоре в Петербург были вызваны все офицеры, ранее бывавшие на Шпицбергене и Новой Земле, а также крестьяне-поморы, карелы-олончане и ненцы, ходившие на промысел на северные острова.

Архипелаг Шпицберген, располагавшийся наиболее близко к Северному полюсу, из всех известных тогда земель (между 76°26' и 80°50' северной широты и 10° и 32° восточной долготы), был просто необходим как передовая база экспедиции для решающего броска к Северному полюсу, а также как страховка на всякие непредвиденные случаи.

Принятое в официальных документах голландское название Шпицберген означало «Острые горы». Его еще в 1596 году дал архипелагу полярный мореплаватель Вильям Баренц. Наши поморы именовали архипелаг Грумантом – искаженная передача норвежского топонима Гренландия (по средневековым представлениям, Шпицберген на севере соединялся с Гренландией). Норвежцы же между собой именовали архипелаг Свальбардом («Холодные берега»).

Шпицберген состоял из трех крупных островов – Западного Шпицбергена, Малого Буруна (Эдж) и Северо-Восточной Земли, восьми более мелких островов и множества еще более мелких островков и скал. Для размещения базы наиболее удобным являлся Западный Шпицберген, так как был ближе к нам, а кроме того, имел удобные бухты.

Кроме этого, из-за влияния Гольфстрима зимние температуры на Западном Шпицбергене были в среднем на 20° выше, чем в прочих местах сравнимой широты.

* * *

К марту 1764 года в Петербург уже прибыли офицеры с опытом плавания в северных водах и кормщики-поморы, после чего все они были дотошно опрошены в Адмиралтейств-коллегии. Несмотря на болезнь ног, Ломоносов несколько раз приезжал, чтобы присутствовать при этих опросах и задать интересующие его вопросы.

Поморы, бывавшие на Новой Земле и Груманте, показали, что гораздо удобнее плыть к Северному полюсу от Западного Груманта, чем от Новой Земли. Свое утверждение аргументировали они так: «На Груманте климат теплее зимой, оттепели бывают чаще, и западное Грумантское море теплое, посему гавани ото льда освобождаются много раньше, и норвежцы ходят туда на промысел к Николину дню, а наши хоть и много позже приходят, однако остаются иногда до Воздвиженьева дня. Кроме этого, море там много свободнее ото льда, ибо западный берег почти всегда чист, и китоловы ходят там все лето, а ежели когда льды приносит, то не с запада, но больше от полудня иногда же от севера, и видно, что это лес с сибирских берегов и во льду приносится много леса обломанного и истертого».

Ломоносов утверждениям поморов был рад, так как они подтвердили все его предположения.

– Посему делаем логический вывод: северный берег Северной Америки гораздо удобнее для прохода, чем берег Сибири! – громко заключил академик. – Плавание сие будет удобней по воде и по ветру. Затем что течение моря у Западного Груманта простирается от норд-веста и течение океана по большей части с ветрами совпадает. Сверх того, около Новой Земли и к нормандскому берегу господствуют ветры от оста и норд-оста. Посему новоземельские промышленники много долее идут к Новой Земле, против льдов и ветров, нежели домой обратно.

После этого Ломоносов взялся за доработку проекта, с учетом высказанных пожеланий сформулировал подробные инструкции, руководства и план научных наблюдений. По его же чертежам была изготовлена часть мореходных инструментов.

В результате, рассмотрев доработанный проект Ломоносова, а также сообщения поморов, комиссия «не высказала своего суждения», передав проект на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии. Члены коллегии проект на первом же заседании одобрили и отправили в канцелярию императрицы.

Когда секретарь императрицы Адам Олсуфьев выложил ей ломоносовский проект, Екатерина, вооружившись очками, внимательно все изучила, а потом сказала:

– Прочла с огромным интересом и даже размечталась, как бы все у нас хорошо случилось. А посему экспедицию готовить будем. Пора уже нам из своих нор выбираться на белый свет! Готовьте указ о подготовке ледовитой экспедиции. Причем сделайте его секретным, чтобы наши английские да французские друзья до поры не проведали. Отвечать за все назначим Адмиралтейств-коллегию, а присматривать за всем будет сам Ломоносов. Коль придумал, значит, и карты в руки!

А буквально через месяц императрице Екатерине II пришло донесение от сибирского губернатора, в котором он описывал открытие посадским Степаном Гловым и казаком Саввой Пономаревым островов Алеутской гряды Умнак и Уналашка и приведение их жителей в российское подданство. При этом было ясно, что на этих землях уже побывали люди с «большой земли», так как на берегу нашли некое иностранное судно, а у жителей были зеркала и чернильницы. Из этого следовало одно – с освоением надо поспешить. Так арктическое направление резко выросло в значимости, а план Ломоносова был самым важным из подготавливаемых проектов.

* * *

25 мая 1764 года Екатерина II подписала указ об организации полярной экспедиции по проекту Ломоносова. Документ носил секретный характер. Экспедиции придавалось, судя по содержанию, большое государственное значение. В указе, например, говорилось: «Для пользы мореплавания и купечества на восток наших верных подданных за благо избрали мы учинить поиск морского проходу Северным океаном на Камчатку и далее. Того ради все милостивейше повелеваем, не упуская времени, положить сему предприятию начало нынешним летом, под именем возобновления китовых и других звериных и рыбных промыслов на Шпицбергене». В том же документе значилось о выделении на проведение экспедиции 20 000 рублей серебром. Сумма по тем временам весьма немалая!

Надо сказать, что интерес императрицы Екатерины к Ледовитому океану не был случайным. Буквально за несколько лет перед этим француз Пьер Леруа опубликовал на немецком языке в Митаве сочинение «Приключения четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурей принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили». История эта относилась к 1743 году, когда на острове Малый Бурун, что в юго-восточной части архипелага, высадились четверо русских зверобоев из Мезени, во главе с кормщиком Алексеем Химковым, судно которых затерло льдами недалеко от его берегов. Не имея никаких припасов, они сумели провести на острове более шести лет, занимаясь охотой на медведей, моржей и тюленей, ловлей песцов и заготовкой шкур. Лишь в августе 1749 года трое выживших зимовщиков были обнаружены русским торговым судном и доставлены в Архангельск. На императрицу книга о русских полярных робинзонах произвела большое впечатление.

Поэтому, подписав указ о подготовке полярной экспедиции, императрица приказала переиздать сочинение Пьера Леруа в Петербурге для популяризации идей освоения северных земель. Вскоре книга была издана, но почему-то не на русском, а на французском...

Когда Ломоносову стало известно об одобрении его проекта, он, по своему обыкновению, сняв с головы свой кургузый паричок, вытер им вспотевший лоб и сказал:

– Пройти все чиновничьи препоны – это, почитай, половину дела сделать! Теперь нам осталось всего ничего – саму экспедицию организовать да провести!

Будучи настоящим ученым, Ломоносов неизменно подкреплял свои предложения теоретическими выкладками. На очередном заседании Академии наук он громогласно заявил:

– Считаю, что пресная вода российских рек, впадающих в Ледовитый океан, замерзает прежде, чем соленые морские воды океана!

– Почему так? – спросил его астроном Никита Попов.

Астроном только что вернулся из Сибири, где наблюдал прохождение Венеры по диску Солнца, и теперь все связанное с Севером его живо интересовало.

– Да потому, что температура соленых вод выше и они лучше сохраняют тепло. Именно потому тяжелые ледяные поля скапливаются близ берегов. Посему в отдалении от берегов Сибирский океан в летние месяцы от таких льдов, кои бы препятствовали корабельному ходу, свободен.

– И что из того следует? – еще больше заинтересовался Попов, поправив свои новомодные очки с закругленными дужками и носопором.

– А следует то, что ежели подняться выше к полюсу, то можно по открытой воде плыть на восток, сколько душе угодно, аж до самой Ост-Индии!

Слушавшие речь Ломоносова академики смущенно переглядывались. Ломоносов говорил вещи почти сказочные, но при этом аргументировал их столь убедительно, что оппонентов у него не нашлось.

Сегодня всем нам совершенно очевидно, что тогдашнее утверждение Ломоносова было ошибочным и в приполюсном районе чистой воды никогда не бывает, а только бескрайние ледовые поля. Но все же доля истины в рассуждениях великого помора была. Дело в том, что, помимо теоретических рассуждений, Ломоносов опирался на опыт своих земляков-поморов. А этот опыт говорил о том, что вдоль северной оконечности Евразии действительно тянутся ледовые поля, но верстах двадцати-тридцати от берега они внезапно обрываются, и дальше за кромкой припая начинается свободная вода, которую мореходы не без пиетета именовали Великой Сибирской полынью.

Фактически все полярные экспедиции XVIII и до второй половины XIX века, доходя до Великой полыни, останавливались. Так как добраться до нее на корабле из-за мощных прибрежных льдов возможности не было, от берега на север шли всегда на собаках. Ну а выйдя на припай, плыть по открытой воде на собачьих упряжках уже было нельзя...

* * *

Итак, подготовка экспедиции началась. При этом высочайший указ засекретили настолько, что о нем не знали даже сенаторы, не говоря уже об остальных. Что касается Ломоносова, то он принял в подготовке экспедиции самое живое участие.

Прежде всего, он разработал маршрут экспедиции. Сегодня много врут о том, что императрица Екатерина, с подачи Ломоносова, якобы хотела отправить русских моряков прямо на Северный полюс! Одни ее за это хвалят (вот ведь какая смелая!), другие, наоборот, ругают. На самом деле Северный полюс ни Екатерину, ни тем более Ломоносова не интересовал. Их интересовал Северный морской путь. Дорога из Европы в Азию!

Вот как определил маршрут будущей экспедиции сам Ломоносов: «Когда благополучно приспеют на Шпицберген, на западный берег... призвав Господа Бога в помощь, пуститься в открытое море, к западу, румб или два склоняясь к северу. И так простираться плаванием, пока достигнут до Гренландского берегу, как он будет в виду... Достигнув первого северного берега Северной Америки или Гренландии, должно на него в малых судах выехать, для осмотра гаваней и состояния самой земли... Потом следовать в правую руку, в виду оного берега, с мыса на мыс перенимаясь, и ото льдов... предостерегаясь».

В ходе подготовки экспедиции Ломоносов написал сразу два научных трактата: «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» и «Прибавлении о северном мореплавании на Восток по

Сибирскому океану». На экспедицию, по его выкладкам, требовалось 20 000 рублей – и эта сумма была немедленно выделена высочайшим распоряжением.

С особым рвением ученый занялся конструированием различных навигационных приборов, которые должны были облегчить плавание в высоких широтах. Что-то у него получилось, что-то сегодня можно считать техническим курьезом. Так, Ломоносов предлагал изготавливать компасы большего размера, чтобы можно было отчетливо видеть деления картушки и легко отсчитывать показания. Придумал даже «компас самопишущий», прототип будущего курсографа. В теории часовой механизм должен был двигать бумажную ленту, автоматически вычерчивая на ней все отклонения от заданного румба. Увы, на практике ничего из этого не вышло. Для корректировки курса Ломоносов предлагал особый прибор для определения направления и скорости морских течений, а также секстант с искусственным горизонтом и усовершенствованный Гадлеев квадрант – «инструмент к наблюдению звезд на тех же линиях вертикальных». Еще одной новинкой стал ломоносовский «морской жезл», значительно упростивший определение долготы. Принцип работы «морского жезла», как и квадрантов, основывался на измерении расстояния между постоянными звездами на одной горизонтальной линии. Предлагал Ломоносов универсальный барометр и гидроскопическую трубу (прообраз батоскопа), позволявшую достигнуть хорошей видимости в воде. Заодно он усовершенствовал и хронометр, предложив конструкцию с четырьмя пружинами вместо одной.

Для более точного определения местоположения судов, помимо штатных штурманов, предполагалось взять и наиболее способных гардемарин (для морской практики!), «из которых было бы на всяком судне по два или по три человека брать, знающих астрономические наблюдения и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук».

Тогда же до сведения императрицы Екатерины II дошло, что русскими промышленниками открыты несколько новых островов в Беринговом море. Известие о новоприобретенных землях очень обрадовало Екатерину. Вызвав к себе вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Семена Мордвинова, императрица велела:

– Немедленно готовить, сколько надобно, офицеров и штурманов для секретного исследования открытых островов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было!

Выбор Мордвинова пал на капитан-лейтенанта Петра Креницына. Помощником к нему был назначен капитан-лейтенант Михайла Левашов.

Но Мордвинов был не только исполнителем, а еще человеком думающим. Поэтому, взвесив все за и против, он посчитал, что было бы здорово, если бы обе секретные экспедиции объединить в одну. Тем более что по времени и месту они совпадали. Проведенные расчеты подтвердили, что Креницын вполне успевает не только обследовать свои острова, но затем и выдвинуться через Берингов пролив на север, чтобы там встретить пробивающийся к югу сквозь торосы Северный отряд, а в случае нужды и оказать ему помощь.

В Адмиралтействе уже мечтали об эффектной встрече двух русских экспедиций среди льдов. Считалось, что Северный отряд проведет в плавании не менее года, а Восточный за это время выйдет ему навстречу от Алеутских островов. Ломоносов, будучи приглашенным на заседание в коллегию и посвященный в новые замыслы, вдохновенно пророчествовал:

– Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава!

* * *

В своих воспоминаниях об отце адмирал П.В. Чичагов отмечал: «В конце мая месяца коллегия опомнилась; имеющиеся суда в Архангельске были построены для перевоза припасов, и потому, сколько бы их ни исправляли, они не могли оказаться способными для экс-

педиции. Тогда было поручено мастеру Ямесу составить чертежи; в заседании 2-го июня их одобрили, и коллегия решила отправить в Архангельск самого Ямеса для постройки этих судов. Чертежи послали вперед с курьером, повелев в кратчайший срок приготовить леса для закладки. Несмотря на всеобщую суету и поспешность, графу Чернышеву не сиделось спокойно; он жаждал поскорее ознаменовать свое пребывание каким-либо открытием и, как ребенок, с нетерпением ожидал результата поисков; гонцы еженедельно скакали в Архангельск, и он выпрашивал у Императрицы указы, которые бы заставили архангельского губернатора спешить с исполнением требований коллегии. 23 июня архангельский губернатор Головцын вручил инструкции командирам судов, которые отправились на Шпицберген с избами и провиантом. Главными из них были лейтенанты Немтинов и Еропкин».

И вскоре в Архангельске уже визжали пилы и стучали топоры. Там, не теряя времени, начали строить для экспедиции Чичагова три двухмачтовых брига с корпусом повышенной прочности, позволявшим плавать во льдах. Суда были небольшие, легкие, верткие и крепкие, как и мечтал Ломоносов. Поначалу смотрели у купцов европейских уже питанные морем суда. Но не сошлись в цене, потому решили строить свои.

Помимо двух штатных баркасов и шлюпки, на каждом строящемся судне предусмотрели по три торосовые лодки, как у зверобоев в Белом море. Их было легко по льду волочить, и они были способны между льдинами плавать. Кроме этого, в трюмах предусмотрели доски для еще трех лодок, если эти потеряются.

За постройку судов отвечал начальник Архангельского порта капитан-командор Петр Чаплин. Один из последних на тот момент находящихся в боевом строю участников Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Было тогда Чаплину уже шестьдесят пять – возраст по меркам середины XVIII века весьма почтенный. Службу Чаплин начал еще при Петре Великом и даже успел повоевать со шведами. Ну а после Морской академии отправился прямиком на Камчатку к Берингу. Там состоял в отряде Алексея Чирикова. Пересек Сибирь для определения широтной протяженности Евразии. Участвовал во многих топографических работах, плывал по Тихому океану на боте «Святой Гавриил». А по возвращении в Петербург вместе с Берингом и Чириковым составлял итоговую карту плаваний, за что и был произведен в мичманы.

Впоследствии служил уже на Балтике, причем старательно и прилежно. Получал чины и командовал фрегатами да линейными кораблями, капитанствовал над Ревельским портом. Затем, по собственной просьбе, отпросился командовать портом в Архангельск, где и от начальства подальше, и самостоятельности побольше. Известие о подготовке экспедиции Чаплин воспринял с восторгом, лишь сокрушался:

– Годы мои уж не те и недуги одолевают, а то бы сам пошел в моря полярные, вспомнил бы молодость развеселую! Эх, были времена и были люди! Сейчас все уже не то!

Тем временем Ломоносов продолжал докучать адмиралам своими советами. Так, начальство над экспедицией он считал нужным поручить «офицеру из флота, искусному, бывалому, особливо в Северном море». Кроме матросов, по мнению Ломоносова, в экспедиции должны были участвовать около десяти поморов-промышленников, «особливо которые бывали в зимовках и заносах и привыкли терпеть стужу и нужду; притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей».

Адмиралы с мнением ученого соглашались, хотя и морщились, уж очень не любили, когда кто-то посторонний лезет в их дела. Однако, зная, что Ломоносов вхож к самой императрице, вынужденно терпели.

Начальника экспедиции выбирали, памятуя о предъявленных требованиях: «Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота, искусному, бывалому особенно в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие». Начальнику экспедиции предоставлялись большие права, но при этом на него возлагалась и большая ответствен-

ность. Помимо выбора окончательного маршрута плавания начальник мог самостоятельно принимать и другие важные решения, вплоть до прекращения экспедиции, если на то имелись веские причины. Начальнику полностью подчинялись команды, офицеры и унтер-офицеры всех трех судов.

Вскоре начальника экспедиции подобрали. Им стал капитан 2-го ранга Михаил Рябинин, моряк толковый и опытный. В 1744 году он окончил курс Морской академии, после чего служил на Балтике, плавал вокруг Скандинавии, так что в Северном море хоть и недолго, но бывал. Адмиралы учли и то, что Рябинин, командуя ботом, несколько лет занимался гидрографическими работами, показав себя в этом деле с самой лучшей стороны. Знакомство с гидрографией было для начальника экспедиции очень важно. Ну и морские навыки у командира линейного корабля «Москва» тоже были на высоте.

Увы, вскоре после назначения начальником экспедиции и приезда в Архангельск с Рябининым случился апоплексический удар. От смерти его лекари спасли, но служить более на кораблях он уже не мог, что уж там говорить о полярной экспедиции. Впрочем, помня о хорошей службе, Рябинину быстро подыскали хорошую береговую должность – советником Интендантского департамента, с полковничьим чином.

Забегая вперед, следует сказать, что впоследствии Рябинин будет командирован в Донскую экспедицию, где построит в Новопавловске суда для будущей Азовской флотилии, будет организовывать флотилию на Днепре, станет генерал-интендантом, с производством в чин вице-адмиральский, а за заслуги получит Анненскую ленту. Да и служба, и жизнь Михаила Рябинина состоялись, но свой звездный час он, увы, провел на госпитальной койке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.